Сергей Ребров

Свет и тень

Сергей Ребров

Свет и тень.

«Автор»
2026

Ребров С.

Свет и тень. / С. Ребров — «Автор», 2026

У Африма всё под контролем: кол-центр, фотостудия, безупречная репутация. Но у него есть тайна — сотрудница, которая за деньги готова на всё ради... ради себя.Когда одной из стажерок некуда идти, Африм забирает её домой, не догадываясь, что ревность уже сделала первый шаг в тень. Слив фото, фейковые аккаунты, шантаж: красивые кадры оказываются тем, чем торгуют. И в самое опасное время рядом появляется девушка, которой Африм впервые готов сказать правду вслух.Теперь у каждого свой выбор: признаться, предать или проиграть. Потому что самое плохое случается не когда тебя предают — а когда ты не говоришь вслух.

© Ребров С., 2026
© Автор, 2026

Сергей Ребров
Свет и тень.

Глава 1

Новая сотрудница. Чиди - помощник.

Январь в этом году выдался вялым: не то оттепель, не то усталость зимы, которая уже не старается. Утром шёл мокрый снег, к обеду перестал, и небо повисло низко и серо, как несменяемое потолочное освещение. На улице было плюс два — та погода, из-за которой невозможно понять, идти ли в пальто или в куртке, и все вокруг ходили в чём-то среднем и все вокруг были этим недовольны. У офисного входа лужа тянулась от бордюра до бордюра, чистая до черноты, и в ней плыл перевёрнутый серый дом.

Африм вошёл внутрь, стряхнул воду с куртки и на секунду задержался в тамбуре. Пахло кофе из автоматической машины, бумагой и мандаринами — где-то ещё с зимних праздников завалялась коробка. В зале уже гудели наушники.

«Линия Спокойствия» занимала третий этаж старого бизнес-центра: приглушённый свет, растения на подоконниках, шумопоглощающие панели цвета топлёного молока. Здесь не продавали и не дожимали — просто разговаривали с людьми, которым не ответили где-то ещё, и помогали так, чтобы человек на том конце выдохнул. Африм придумал этот сервис после истории с одним клиентом его студии (об этом расскажу позже), который неделю писал в пустоту и на восьмой день просто исчез — не из списков, а по-настоящему. С тех пор мужчина знал, чем это кончается.

Ему было тридцать, и в нём угадывалось то редкое, почти неуловимое обаяние, которое не измеряется ростом — а ростом был невелик, честные метр семьдесят два. Главной приметой была непокорная, до неприличия буйная копна кудрей: парикмахеры раз за разом пытались укротить её ножницами, но упрямые завитки неизменно одерживали верх, рассыпаясь по голове в художественном беспорядке. Мужчина скользил между столами легко и бесшумно, роняя короткие, чуть отстранённые кивки. В офисе перед ним не робели, но при появлении в воздухе словно пробегала лёгкая искра напряжения — никто не забывал, что именно этот человек держит в руках нити их благополучия и обладает опасной привилегией заглядывать в чужие переписки. Делал это выборочно, а в его исполнении «выборочно» означало, что ничья тайна не была в безопасности.

— Африм, сориентируй по дедлайну: к какому числу готовить отчёты? — окликнула через стол одна из тимлидов.

Мужчина притормозил, засунул руки в карманы и на секунду задумался, глядя в потолок.

— К четвергу, — сказал он. — В идеале, конечно, ко вчерашнему, но я человек добрый, в чудеса верю.

— А если мы не успеем и принесём в пятницу с утра? — прищурилась она, проверяя границы дозволенного.

— В пятницу с утра я буду принимать только успокоительное и соболезнования, — усмехнулся Африм, тряхнув своими непослушными кудрями. — Отчёты в это меню не входят.

— Поняла, значит, в четверг вечером.

— До шести, — бросил уже на ходу, направляясь к своему кабинету. — После шести я превращаюсь в тыкву, а тыквы плохо читают таблицы.

В дальнем конце зала он увидел её — и внутри всё мгновенно потеплело, а на лице сама собой расцвела открытая, почти мальчишеская улыбка, которую в офисе от него не видел никто.

Чиди сидела прямо на столе — не за ним, а именно сверху, по-хозяйски поджав под себя ноги в джинсах, — обхватив обеими руками термос, и слушала кого-то из операторов с таким неподдельным восторгом, словно ей рассказывали лучшую историю года. На лице не было ни капли этой привычной офисной суеты — только живой, заразительный интерес к миру.

Сестра (Чиди из цикла рассказов «Кофейные истории» была троюродной сестрой Африма) ворвалась в его жизнь неделю назад, в самом конце своих зимних каникул. Постучала в дверь без предупреждения, с огромным чемоданом в руке и сияющими глазами: «У тебя всё горит, братец, я это слышу даже по твоим коротким сообщениям. Всё, не спорь, я уже здесь». И вся эта неделя превратилась для него в настоящее спасение. Благодаря своему собственному, ни на кого не похожего темпераменту за неделю перевернула унылый холостяцкий быт с ног на голову. Она безжалостно выкинула абсурдный растворимый кофе, каждое утро наполняя кухню ароматом свежемолотых зёрен, устроила настоящий разнос за продавленный матрас, за бесконечные отчёты и за то, что снова довёл себя до истощения и упрямо это скрывал. А по вечерам, устроившись на диване, Чиди привносила в серый город солнце своего родного Дакара, где отдыхала после зимней сессии. Рассказывала про Атлантику, которая «слишком огромна, чтобы рядом с ней врать самому себе», смеялась, вспоминая шумный рынок, где торговец уступил ей три браслета по цене одного, решив, что у неё «строгое лицо, но слишком доброе сердце», и показывала ровный, золотисто-бронзовый загар, за которым в Европе безрезультатно гоняются в соляриях. Ещё сегодня утром брат с сестрой сидели на кухне, сонные и счастливые, лениво перебрасываясь шутками за чашкой кофе, будто впереди у них ещё целая вечность. Но сейчас, глядя на неё издалека, Африм вдруг с острой, щемящей тоской осознал: праздник заканчивается. Сегодня вечером у Чиди рейс в Милан — обратно на учёбу, в ту яркую, стремительную жизнь, откуда она, казалось, и привезла эту редкую способность проживать каждую минуту так, словно у неё есть вкус. И от мысли, что завтра утром в квартире снова поселится глухая тишина, на душе стало по-настоящему грустно.

— Ты чего сидишь на столе? — сказал Африм, подходя.

— Потому что стулья — для людей, которые здесь работают, — сказала Чиди. — А я человек с неограниченными полномочиями сестры.

— Твои полномочия истекают сегодня в двадцать три сорок.

— Мои полномочия не истекают никогда. Просто я уезжаю. Это разные вещи.

За её спиной, у самого окна, за которым серело тихое январское утро с редкими ленивыми снежинками, сидела Лера. Двадцать три года, и та особая, тёплая прелесть, от которой невозможно отвести взгляд. Невысокая — аккуратные метр пятьдесят пять, — смуглая, словно впитавшая позднее южное солнце, с густым тёмным каре, чётко обрамлявшим скулы. Она стригла себя сама, перед зеркалом в ванной, и вопреки всем парикмахерским законам срез всегда ложился идеально, послушно повторяя каждый поворот головы. Красота была не глянцевой и холодной, а живой, земной и насыщенной, с мягкими, аппетитными изгибами, в которых чувствовалась какая-то природная гармония. От этого даже самые суровые мужчины с соседних линий порой теряли нить разговора и сбивались с делового тона. Лера это замечала и лишь сильнее тушевалась, стараясь стать тише и незаметнее. Она только-только прошла аттестацию, всего две недели как вышла в общую рабочую очередь и всё это время держалась за край своего стола так, словно каждую секунду ждала, что её окликнут, вернут за учебную парту и заставят пересдавать экзамен.

Сегодня ей достался по-настоящему сложный чат. Клиент, судя по тяжёлой, рубленой манере письма, мужчина средних лет, привыкший решать вопросы криком, разносил компанию за задержку доставки, швырялся целыми абзацами капслока и то и дело срывался на «вы

вообще кто такие». Лера не торопилась. Она отвечала медленно, ровно и бережно, словно убаюкивала разбушевавшуюся стихию: «Я вижу, как сильно вы устали. Давайте сначала просто выдохнем, а потом во всём разберёмся». Два долгих часа вела его за собой, как по узкому, шаткому мосту над пропастью, гася каждую вспышку гнева терпением и спокойствием. И чудо случилось: диалог, который ещё утром гарантированно превратился бы в разгромную жалобу в головной офис, завершился коротким, почти виноватым «спасибо вам».

Валерия закрыла тикет. Секунд двадцать сидела совершенно неподвижно, глядя в погасший экран, а потом плечи чуть дрогнули, и она поспешно, украдкой вытерла слёзы. Заметив, что на неё смотрят, тут же смутилась и с самым сосредоточенным видом принялась мелко шинковать невидимым ножом воображаемый лук на пустом пространстве между клавиатурой и кружкой.

— Слушай, а где ты тут раздобыла лук? — раздался рядом звонкий, полный искреннего любопытства голос. Чиди бесцеремонно придвинула свой стул вплотную к её столу, водрузив на край свой неизменный термос. — Я весь офис обошла, видела только засохшие новогодние мандарины и чью-то грустную овсянку, а вот овощной лавки не нашла!

— Не знаю… Нигде, — тихо отозвалась Лера, не поднимая глаз и продолжая старательно «резать» воздух. Голос у неё был мягкий, чуть хрипловатый от напряжения, но удивительно спокойный. — Я его просто режу. Очень ядрёный попался.

— О, я этот сорт знаю! Убойная вещь! — рассмеялась Чиди, широко жестикулируя, и тут же ловко поставила перед девушкой дымящуюся кружку свежего чая. — У нас в Милане, в общаге, жила одна девчонка с юга, она точно так же спасалась! Когда сдавала первый экзамен по истории архитектуры. Там профессор такой зверь, что на его паре за пять лет два человека рыдали в голос прямо у доски — и, между прочим, одним из них была я, без малейшего стыда! Так вот, бедняжка резала этот невидимый лук целых два месяца подряд, мы уже собирались ей скидываться на очки для плавания, а потом выяснилось, что она просто обожает лук в любом виде, и вся общага наконец-то выдохнула.

Лера не выдержала и тихонько фыркнула — неожиданно для самой себя, прямо сквозь непросохшие слёзы, впервые за всё утро поднимая на Чиди тёплый, благодарный взгляд.

— Расскажу тебе, как я завалила первый экзамен, — продолжала африканка, устраиваясь рядом. — Мне было девятнадцать, я не знала ни слова по-итальянски, кроме «пицца» и «извините», и написать должна была эссе про готические соборы. Двадцать страниц. Я написала на итальянском «простите» и больше ничего, мне поставили ноль и вызвали на пересдачу. И вот я прихожу на пересдачу, а профессор такой: «Сударыня, зачем вы вообще поступали?» А я ему отвечаю — уже выучив целую фразу, единственную, — «потому что соборы красивые». И он засмеялся. Всю аудиторию собрал, полчаса рассказывал про соборы и разрешил пересдать письменно на родном. Я потом поняла: смеялся не надо мной. Он смеялся, потому что двадцать лет никто ему не говорил, зачем всё это преподаёт.

— И сдала?

— На восемь с половиной. Хотя первую неделю в Милане я плакала в телефонной будке, потому что будка — это единственное место, где никто не видит. Потом будки кончились, пришлось научиться плакать открыто. Гораздо удобнее, — Чиди пожала плечами. — Слушай. Ты не обязана быть сильной по расписанию. Сильная — это не та, кто не плачет.

Лера взяла кружку двумя руками, как берут что-то живое, и впервые за день выдохнула глубоко, как после затяжного нырка.

— А вы кто? — спросила она. — Я вас тут вижу третий день, а не знаю, кто вы.

— Чиди. Сестра владельца. Троюродная, но это мелочь.

— Вы работаете здесь?

— Отдыхаю здесь. От учебы, от экзаменов, от брата.

Валерия на секунду втянула голову в плечи и тут же выпрямила спину. Так делают сотрудники, когда мимо проходит хозяин, одновременно пытаясь спрятаться и стать лучше. Чиди проследила за её взглядом и с тёплой, озорной усмешкой качнула головой:

— Ой, да не бойся ты его. Кажется суровым только потому что не умеет тратить слова впустую. В детстве точно так же доводил до мурашек соседских мальчишек, просто молча проходя мимо. Внутри он невероятно мягкий и готов сгореть дотла ради тех, кто ему дорог.

— Он хороший? — тихо спросила Лера, так осторожно, как спрашивают о человеке, на которого в этом офисе уходит слишком много душевных сил.

— Он самый лучший, — сказала Чиди с внезапной, глубокой нежностью в голосе. — Но это и есть его главное проклятие: пока у всех вокруг всё не наладится, себе даже нормально поспать не разрешит.

Со своего места, словно из-за невидимого стекла, за ними наблюдала Наталья. Ей было тридцать шесть. Миниатюрная — всего метр пятьдесят, — она давно отказалась от каблуков и теперь ходила исключительно в ботинках на плоской подошве, будто из упрямой гордости решила больше никогда не тянуться вверх и оставаться на одном уровне со всеми остальными. В её внешности была холодная, отточенная красота зимних сумерек: длинные тёмные волосы, уложенные волосок к волоску с безупречной, почти строгой гладкостью, и светлые голубые глаза — прозрачные, как тонкий январский лёд. За годы Наташа в совершенстве овладела искусством управлять их температурой: одним неуловимым движением век могла сделать этот взгляд обволакивающе тёплым, а через секунду — непроницаемо стеклянным. Замужем. Дочь Милана, двенадцати лет, по ночам тайком снимает ролики для своего канала. Муж — вечные ночные смены, глухая отчуждённость, разные полки в шкафу и две параллельные жизни, запертые в экранах телефонов. И ещё один факт, который не мог быть указан ни в её анкете, ни в безупречно выверенной осанке: последние полгода она была любовницей Африма. В офисе об этом не догадывалась ни одна душа. И эта тайна ровным счётом ничего не меняла в её привычном укладе, кроме одного — Наталья разучилась спать по ночам. Но в этой изматывающей бессоннице была своя горькая сладость: в ней, в отличие от всего остального, наконец-то было что-то по-настоящему собственное.

Формально Наталья отвечала за контроль качества и адаптацию новичков. Делала это блестяще: её разборы звонков и чатов были точными, как удар скальпеля, безжалостно конкретными и лишёнными всякой воды. Помогала она и Лере — на свой манер: не мягким участием, как Чиди, а сухими чек-листами, строгими пометками и коротким «вычеркни это слово из скрипта, звучит как издёвка». Лера её откровенно побаивалась и всё же искренне благодарила.

Зато Чиди Наталья не выносила — честно, физически, до мурашек по коже. Её раздражало в этой девчонке всё: громкий смех, лёгкость, то, как непринуждённо сенегалка забиралась с ногами на офисные столы и за пять минут завоёвывала доверие людей, которое самой Наталье приходилось выстраивать по кирпичику месяцами. Но больше всего бесило другое: к Чиди прислушивался Африм.

И Чиди, разумеется, всё знала. Ей не нужны были ни чужие сплетни, ни случайные улики. У Натальи в сумке лежал дубликат ключей от квартиры её брата. Этого Чиди конечно знать не могла, но ей с лихвой хватило одного взгляда. Того самого, которым Наталья провожала Африма: не как руководитель отдела смотрит на директора, а как голодная женщина на мужчину, чьё имя боится произнести вслух, чтобы не спугнуть хрупкое счастье. Сама Чиди относилась к Наталье с тихой, брезгливой неприязнью — ей претила эта двойная жизнь, эта липкая, ворованная страсть за спиной у чужой семьи.

Вчера вечером на кухне Чиди не выдержала. Воздух между ней и братом натянулся, как струна, когда она резко поставила чашку на стол и тихо, но с такой силой, что зазвенела посуда, бросила Африму в спину:

— Она спит с тобой.

Мужчина даже не обернулся, лишь на долю секунды замер у плиты, словно наткнулся на невидимую стену. Плечи под домашней футболкой тяжело напряглись.

— Это не твоё дело, Чиди, — отрезал он глухо, даже не пытаясь оправдываться.

— Моё, Африм! Ровно настолько, насколько я твоя сестра, и мне не плевать, в какое болото ты сам себя затягиваешь! — голос сорвался от злости и обиды за него, а глаза вспыхнули неподдельной яростью. — Ты хоть видишь, как она на тебя смотрит? Как утопающая на спасательный круг! Я не читаю тебе мораль и не лезу в твою постель с советами. Я прошу тебя перестать врать хотя бы самому себе! У неё муж, ребёнок, там всё трещит по швам. Ты же умный мужик, ты прекрасно понимаешь, чем это кончится. Но тебе плевать — ты просто берёшь удобное, краденое тепло, потому что настоящее требует смелости и честных разговоров, а разговаривать ты трусишь!

Африм медленно повернулся. Кудри упали ему на лоб, взгляд потяжелел, сверкнула глухая, упрямая ярость человека, которого загнали в угол и насильно заставили смотреть в зеркало. Он шагнул к ней, сжимая челюсти так, что заходили желваки.

— Ты закончила? — спросил тихо, с опасной, вибрирующей хрипотцой. — Или у тебя в запасе осталась ещё пара проповедей перед отлётом?

— Осталась одна, — Чиди не отступила ни на миллиметр, с болью и упрямством выдерживая его тяжёлый напор. — Когда всё это рванёт — а оно рванёт, сам можешь просчитать, не смей потом делать вид, что не знал, куда лезешь. Я тебя предупредила. Прямо сейчас.

Он не ответил. Молча, с каким-то ожесточением плеснул себе ещё кофе и вышел из кухни, оставив за собой густую, звенящую тишину. А Чиди, глядя вслед, с горечью и бессилием подумала, что нет на свете людей более глухих, чем те, кто слышит всё, но упорно выбирает верить только в собственную ложь.

И вот теперь африканка стояла всего в трёх шагах от Натальи. Обе женщины удерживали на лицах безупречные, ледяные маски вежливости, за которыми клокотала взаимная неприязнь.

— Добрый день, — произнесла Наталья ровно, даже не подняв глаз от планшета.

— Добрый, — отозвалась Чиди таким же спокойным, безупречно вежливым тоном.

— Как Дакар?

— Тёплый. Океан солёный, люди открытые, и врать там не принято, или, по крайней мере, все делают это так красиво, что не отличишь. А у вас как прошла лекция по качеству?

— Аттестация завершилась штатно. Восемнадцать из двадцати.

— О, девяносто процентов выживших. На моём курсе в универе статистика была ещё хуже.

Наталья на долю секунды сжала губы в тонкую нить и тут же мягко разгладила уголки рта. Она владела этим приёмом в совершенстве: за одно мгновение переключалась со льда на светскую приветливость, словно щёлкала невидимым тумблером.

— У вас сегодня вылет? — уточнила она ровным голосом.

— Вечерний, в Милан. — Чиди неторопливо сделала глоток из термоса, не сводя с неё внимательного взгляда. — Будете скучать?

— Мы здесь работаем, Чиди. Не скучаем.

— Ну да. Работаете, — сенегалка медленно оглядела её с ног до головы. Так смотрят на человека, которого давно не видели, и который вдруг стал совсем чужим, — знаете, зря вы меня так не любите. Я ведь никого не разношу и не устраиваю сцен. Просто замечаю. А это, согласитесь, куда неприятнее.

— Я вас не ненавижу, — ответила Наталья с холодной выдержкой, — у нас просто разный взгляд на вещи. Вы заглянули на пару дней и встряхнули систему, чтобы её починить. Я же остаюсь здесь каждый день, чтобы всё удержать.

— И как, удерживается?

— Удерживается.

— А вы сами?

Между ними повисла пауза — всего полторы секунды, но в шумном офисе она прозвучала как целый обвал.

— У меня всё прекрасно, — отчеканила Наталья.

— Вижу, — тихо усмехнулась Чиди. — По лицу сразу понятно, что прекрасно. Так и кричит об этом.

Африканка подхватила свой термос и направилась в другой конец зала, оставив Наталью стоять посреди прохода с планшетом в руках — безупречно прямую снаружи и совершенно разбитую внутри.

Вернувшись к Лере, Чиди ещё немного поболтала с ней за чаем, но за окном уже стремительно густели ранние январские сумерки, и пора было собираться. Прощаясь, сенегалка крепко, по-свойски обняла её за плечи:

— Если станет совсем тошно — не из-за работы, а вообще, — просто напиши мне. Приезжай в Милан, погуляем. И не вздумай тут закиснуть.

— Спасибо вам. Приезжайте ещё, — тихо ответила Лера, провожая Чиди тёплым взглядом.

Вечером Африм сам повёз сестру в аэропорт. В салоне машины царила тихая, тягучая полутьма, нарушаемая лишь мерным шелестом шин по мокрому январскому асфальту. За окном мелькали огни фонарей, серые сугробы и тёмные лужи, которые уже начало прихватывать ночным морозцем. Оба молчали, но в этом молчании не было вчерашней злости — только общая, тяжёлая усталость от приближающегося расставания.

— Слушай, — негромко начал Африм, не отрывая взгляда от дороги. — Спасибо, что прилетела. Правда. Без тебя я бы совсем закопался.

— Спасибо, что пустил, — так же тихо отозвалась Чиди, поворачиваясь к нему всем корпусом. — Ты ведь редко кого-то пускаешь так близко.

— Только в критических ситуациях.

— Знаю. Поэтому и прилетаю, когда чувствую, что всё горит.

Она помолчала, глядя на сосредоточенный профиль брата.

— Ты будешь всё контролировать, Африм. Тянуть на себе весь этот мир. А потом в какой-то момент тихо надломишься и потянешься к тому, что просто окажется под рукой. Только это не сделает тебя счастливым.

— Ты опять за своё? — в его голосе не было раздражения, только глухая тоска. — Может, в Милане ты учишься не на архитектора, а на драматурга?

— Я учусь видеть людей, братишка, — Чиди грустно улыбнулась и легонько коснулась его плеча, — всё самое плохое случится не тогда, когда тебя предадут. А когда окончательно разучишься говорить вслух о том, что чувствуешь.

В здании аэропорта суета и гул объявлений сразу сжали время до нескольких минут. У стойки регистрации Чиди поставила чемодан на ленту, забрала посадочный талон и обернулась к Африму. Вся её привычная бравада и лёгкость вдруг исчезли — перед ним стояла просто младшая сестра, которой ужасно не хотелось улетать. Она шагнула и крепко, отчаянно обняла, уткнувшись лбом ему в плечо. Африм закрыл глаза, вдыхая знакомый запах парфюма, кофе и дакарского солнца, и сжал в ответ так сильно, словно пытался удержать это тепло на всю оставшуюся зиму.

— Ешь нормально, пожалуйста, — прошептала Чиди в куртку, и голос слегка дрогнул. — И выкинь этот ужасный растворимый кофе. И, Африм… если ночью позвонит кто-то, кто уложил ребёнка и захочет приехать, — просто подумай секунду, прежде чем открыть дверь. Подумай о себе.

— Чиди…

— Всё, молчу, не буду портить прощание, — отстранилась, быстро смахнула непрошеную слезу и выдавила из себя ту самую светлую, почти беззаботную улыбку, — пиши мне. Только не дежурное «всё нормально», а по-настоящему.

— По-настоящему — это слишком длинно.

— Я подожду, — тихо сказала Чиди, — У меня всегда найдётся время на твою правду.

Девушка развернулась и пошла к стеклянным дверям зоны вылета, ни разу не оглянувшись, чтобы не расплакаться. А Африм ещё долго стоял посреди гулкого зала, глядя ей вслед, и чувствовал, как внутри снова становится холодно и пусто.

Домой возвращался по той же серой дороге, мимо тёмных, застывших на морозе луж, в которых криво отражались огни многоэтажек. В салоне машины стояла гулкая, вязкая тишина. После шумного аэропорта и звонкого голоса Чиди она давила на уши почти физически. На середине пути телефон на приборной панели коротко завибрировал, озарив полумрак холодным светом. Наталья. Африм притормозил на светофоре и посмотрел на экран. Он думал ровно секунду, как и просила сестра, одну-единственную секунду, не больше.

— Алло.

— Милана уснула, — произнесла Наталья без предисловий, своим привычным, чуть приглушённым голосом, в котором сквозь дневную выдержку уже пробивалась глухая, затаённая жажда, — я хочу приехать.

Впереди вспыхнул зелёный. Машины позади нетерпеливо засигналили. Африм смотрел на мокрый асфальт, на собственное отражение в лобовом стекле — кудрявое, усталое — и понимал: тот самый честный разговор, о котором кричала Чиди, мог бы начаться прямо сейчас. Достаточно было произнести: «Наташ, нам нужно остановиться». Или хотя бы: «Давай просто поговорим».

— Приезжай, — сказал он вместо этого.

И в этот миг стало окончательно поздно поступать правильно, и до боли легко сделать всё так, как всегда.

Наташа появилась на пороге через сорок минут. В прихожей не горел свет, только тусклый отблеск уличного фонаря падал из кухни на тёмный паркет. Женщина вошла молча, прикрыв за собой дверь с тихим, обречённым щелчком. Вся дневная, отточенная до ледяного блеска строгость осыпалась в одно мгновение, едва она оказалась рядом с ним. Без безупречных офисных костюмов, в тёплом мягком свитере, с распущенными тёмными волосами, пахнущими ночным морозом и дорогим горьковатым парфюмом, Наталья выглядела удивительно хрупкой и почти отчаянной. Африм не успел даже задать вопрос, она шагнула вплотную, положила холодные ладони на грудь, чувствуя сквозь ткань рубашки ровный, тяжёлый стук его сердца, и потянулась губами. В этом поцелуе не было нежности, только накопившаяся за день, за недели голодная, лихорадочная страсть людей, которым нечего друг другу обещать, кроме этой украденной у чужих жизней ночи.

Африм ответил с той же глухой, безрассудной силой, прижимая её к стене в полумраке коридора. Руки скользнули под край её свитера, сжимая горячую, гладкую кожу на талии и поднимаясь выше, к кружеву белья, отчего Наталья тихо, прерывисто застонала прямо в губы. В ней не осталось ничего от той холодной женщины со стеклянным взглядом, под его пальцами она плавилась, дрожала, торопливо расстёгивала пуговицы на рубашке, путаясь в них от нетерпения, и впивалась ногтями в обнажённые плечи, словно пыталась удержаться за него, как за единственный берег в своей пустой, застывшей жизни.

Они дошли до спальни почти не отрываясь друг от друга, срывая с себя остатки одежды прямо на ходу. В полутьме комнаты, освещённой лишь бледным светом январской луны, всё лишнее исчезло. Остались только обжигающий жар, сбившееся дыхание и тихий шёпот, в котором не было ни имён, ни завтрашнего дня. Африм опрокинул её на смятую постель, нави-

сая сверху, и медленно, дразняще прошёлся губами от шеи вниз — по ключицам, между грудей, задерживаясь на каждом изгибе миниатюрного, отзывчивого тела, пока женщина выгибалась под ним, судорожно сжимая простыни и запуская пальцы в непослушные кудри. Когда он вошёл в неё, Наталья резко втянула воздух, прижимаясь к нему всем телом так тесно, словно хотела стереть саму границу между ними. Каждое движение было глубоким, властным, почти отчаянным — в этой близости он искал спасения от гулкой пустоты, оставленной отъездом Чиди, а она жадно ловила каждое прикосновение, обвивая ногами и притягивая ещё ближе, задыхаясь от накатывающих волн жара. Движения становились всё быстрее, резче, теряя остатки контроля, пока тишину комнаты не разорвали её сорванный, приглушённый в плечо вскрик и его тяжёлый, хриплый выдох.

После того, как волна наконец схлынула, оставив влажную кожу, сбившееся сердцебиение и тяжёлую, сладкую истому, в комнате снова воцарилась тишина. Наталья лежала рядом, уткнувшись лбом в плечо и мерно дыша в грудь, а Африм смотрел в тёмный потолок, ощущая, как привычное, удобное тепло постепенно остывает, уступая место знакомому, неизбежному утру.